

Лев ЛЕЩЕНКО

*Песни
выбрали
меня*

МОСКВА 2018

УДК 784.75(092)(470)
ББК 85.318(2)6-8
Л54

Литературная запись Евгении Ивановой
Издательство благодарит Наталью Рубанову
за помощь в создании этой книги

Фотография на обложке: © Сергей Беляков / Фото ИТАР-ТАСС.
Во внутреннем оформлении использованы фотографии:
© Н. Герасимов, Юрий Сомов, Оксана Джадан, Петр Чернов,
Алексей Ладыгин, Екатерина Чеснокова, Сергей Пятаков,
Максим Блинов, Руслан Кривобок, Нина Зотина,
Андрей Александров / РИА Новости

Лещенко, Лев Валерьянович.
Л54 Песни выбрали меня / Лев Лещенко. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 256 с. — (Автобиография-бестселлер).

ISBN 978-5-04-092855-2

Мэтра советской и российской эстрады, обладателя уникального баритона любят и знают миллионы людей. Правда, за кулисами Лев Валерьянович подчас совсем иной, чем на сцене под софитами. Такой, каким его мало кто знает. Он часто бывает смелым на грани риска. Любит розыгрыши. Любит спорт, настолько любит, что когда-то готов был посвятить жизнь ему, а не песням. Он очень зорко следит за неприкосновенностью своего личного пространства и на дух не выносит пошлость. Автобиография раскрывает нам другого, неизвестного Льва Лещенко. И все же этот другой лишь дополняет знакомый образ замечательного певца и помогает узнать его еще лучше.

УДК 784.75(092)(470)
ББК 85.318(2)6-8

ISBN 978-5-04-092855-2

© Лещенко Л., 2018
© Оформление. 000 «Издательство «Э», 2018

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Семейные истории. Дошкольное детство

Уйти с головой в прошлое, вспомнить, почувствовать и снова пережить когда-то волнующие моменты — идея заманчивая, но не так проста в исполнении, как может показаться. Ведь осмыслить непростой, как и у любого человека, жизненный путь, непредвзято оценить те или иные поступки — нужна определенная смелость. Поэтому, как и прочие мемуаристы, так просто и приятно начать с малого — с босоногого (в мое время буквально) детства.

* * *

В архиве нашей семьи хранится уникальная вещь. Это скрипка моего деда. Стоит мне только взять ее, мои воспоминания, да и не только мои, но и всего моего рода, проносятся во мне вихрем. И вот уже передо мной мой дед со своим особенным взглядом — пытливым, живым, задорным.

Жажда к работе у деда была такой сильной, что, казалось, у него руки сводило, если он не точал, не шил, не столярничал. И всё у него выходило легко, быстро, с видимым удовольствием. Узловатые пальцы, поначалу неловкие, начинали вдруг проворно мелькать — пришивая, подгоняя, выстругивая. И эти же дедовские руки могли бережно и нежно держать эту скрипку и выводить дивную музыку.

В детстве я никак не мог понять, как это возможно? Еще десять минут назад он что-то строгал, прибивал, колотил, — и вдруг такая тонкая, душевная музыка, при звуках которой преображался весь дом, да что дом! Всё вокруг, вся жизнь начинала звучать совсем по-другому.

* * *

Дед мой, Андрей Васильевич, не заканчивал гимназий, но его охота не только к работе, но и к знаниям, делала его человеком увлеченным и преданным своему делу, или даже делам.

Жили они тогда недалеко от Белой Церкви, чуть более ста километров от Киева. Как сын бывшего крепостного, моего прадеда Василя, он мог рассчитывать только на обучение в ЦПШ — церковно-приходской школе. Правда, он окончил не один класс, который состоял из двух лет обучения, где крестьянских детей учили письму, чтению да Закону Божьему, а два класса (4 года обучения), где к предметам добавлялась история государства Российского.

Одной из больших его любовей была математика, что считалось странной и ненужной блажью для человека, которого готовили в простые рабочие.

До самой старости он сохранил страсть к математическим расчетам. Везде возил с собой пухлую тетрадку с какими-то своими математическими расчетами, постоянно размышляя и пополняя ее новыми вычислениями. Забегу вперед и скажу, что видел в детстве эту тетрадь, которая страшно привлекала меня стройными рядами цифр. Дед, чувствуя мое детское любопытство, которое

было сродни его жажде жизни, такой же детской и ненасытной, часто стал со мной засиживаться над своей тетрадкой. Мы вместе с ним, склонив головы — седая, всклоченная и моя, доверчиво прильнувшая, — высчитывали, например, когда прогремит гром после вспышки молнии. И наши расчеты тут же подтверждались громогласными раскатами! Я был в восторге от щедрых летних гроз и от точности «предсказания», которые непременно исполнялись.

* * *

Время тогда было неустроенное, тяжелое, молодые люди скитались по областям в поисках любых заработков. Поэтому и Андрей Васильевич не мог остаться с родителями, ушел на поиски лучшей жизни. Сначала обосновался в поселке Низы под Сумами. Что его привлекло в этих местах... не знаю. Возможно, живописные долины, извилистые речки, тихие заводы, темные леса... Вся эта богатая природа севера Украины, к которой равнодушным не остался даже Петр Чайковский, который в 70-х годах 19 века любил здесь летом гостить у своих друзей.

Но работы так и не нашлось, поэтому надо было двигаться дальше. Андрей Васильевич знал, что в Любимовке, той, что недалеко от Курска, строится сахарный завод, а это значит должны быть рабочие места. Он, недолго думая, поехал осваивать новые для него земли. Любимовка тогда процветала. Сахарный завод графа Михаила Васильевича Шабашникова, человека богатого и известного своим книгоиздательским делом, обещал хорошую работу и, что немаловажно, достойное жалованье. Несмотря на свое

скромное образование, дед своим упорством, постоянным самообразованием, а главное — желанием работать много и добросовестно, дослужился здесь до должности главного бухгалтера.

* * *

Здесь же, в Любимовке, спустя два года он женился, и у него один за другим родились дети. В 1903 году — Мария, а спустя год — Валерьян (мой отец). Андрей Васильевич с головой ушел в работу, старался наладить быт своей разросшейся семьи и жить полной жизнью. А потому стал играть в струнном квартете, который организовали сами служащие сахарного завода. Отдушина от тяжелой жизни должна всегда быть, считал дед, чтобы жить с удовольствием, несмотря на все трудности. И дед, бухгалтер-скрипач, репетировал с квартетом, давал концерты на всех праздниках. Даже церковный хор не обходился без него, где он пел своим зычным басом-баритоном.

* * *

Андрей Васильевич понимал, что в новом, стремительно меняющемся мире без хорошего образования не обойтись. Поэтому отдал детей своих обучаться в курскую гимназию. Революция 17-го года и последовавшая за ней гражданская война разрушили по-молодецки амбициозные планы тогда пятнадцатилетнего Валерьяна, и он, чтобы помочь семье, вынужден был, несмотря на свое образование, пойти в простые рабочие в совхоз, чтобы заработать немного денег.

Потом отец нашел место бухгалтера, что дало надежды на более-менее стабильную жизнь. А в 27 лет он переезжает в Москву, где начинает трудиться на Витаминном заводе.

* * *

Шел 36-й год, надвигалось страшное время — время Большого террора, но жизнь продолжалась, люди влюблялись, женились. Вот и Валерьян в тот страшный год встретил свою будущую жену Клавдию Петровну Федосееву родом из Рязани. Она приехала, как и мой отец, в Москву на заработки, в поисках подходящего места. Хотя, может быть, чтобы избежать последствий репрессий, которые коснулись их купеческой семьи в конце 20-х — начале 30-х годов. Дом у ее семьи отобрали, ее отца сослали, а остальных переселили в одну маленькую комнатку.

* * *

Все страхи, как это обычно бывает, затмевает первое чувство влюбленности. Мои родители поженились в том же году, что и встретились. Поселились в коммуналке в Сокольниках, в одной комнатухе двухэтажного, деревянного дома.

Обстановка в стране была непростая, все говорили только о войне, поэтому отец принял решение записаться на военные курсы, окончив которые он получил звание лейтенанта и в 39-м году ушел на советско-финляндскую войну.

* * *

А жизнь в Сокольниках катилась своим чередом. Шумная, дружная коммуналка в старом купеческом доме давала чувство защищенности. В 1939 году рождается моя старшая сестра Юлия, а спустя два года и я.

* * *

Вернувшись с советско-финской войны в 40-м году, отец опять поступил на службу на свой родной Витаминный завод, там его и застало начало Великой Отечественной войны. Он не представлял для себя иного выбора, кроме единственно возможного — пойти в военкомат. Направление дали быстро — спецвойска при НКВД.

Полк особого назначения, куда распределили отца, находился в соседнем с Сокольниками районе — в Богородском. Мать с отцом виделись часто. Он, усталый, осунувшийся, навещал ее, приносил из своего служебного пайка продукты, которые делили на всех соседей по нашей коммуналке. С бабой Женей и тетей Надей мы так сроднились, что жили практически одной семьей.

Февраль 42-го года был особенно морозным. Страшный 41-й год, самый тяжелый для Москвы, был уже позади. Москва постепенно, очень медленно, все еще «оглядываясь по сторонам» и не включая свет, стала оттаивать душой. Враг был отброшен на 100—200 км от города. Хотя воздушные тревоги и продолжали звучать каждый день, а перекрещенные бумажные полосы на окнах пока не спешили отклеивать, народ верил, что враг в город не войдет.

* * *

Отопления почти нигде не было, даже свет включался редко и ненадолго. Все роддома были закрыты. И при таких непростых условиях я решил появиться на свет — 1 февраля. Снаружи — минус двадцать, а в нашей комнате, быстро оборудованной соседками в родильную, не выше плюс четырех. Дров для печки было не достать. Отец смог вырваться из своего полка, да не с пустыми руками. Буханка хлеба, четвертинка спирта — пир! Достал где-то дров, натопили жарко комнату. Баба Женя, женщина сильная и бесстрашная, вызвалась принять роды — хотя, как я понимаю, выбора у нее не было. Она ловко взялась за дело, отдавая всем «приказы». Спирт пить не разрешила, а разбавив его водой, совершила необходимые процедуры с новорожденным. Остатки разбавленного спирта разлили по рюмкам, разрезали на равные части буханку душистого хлеба и устроили празднование. Я и мама в нем не участвовали — отдыхали.

Теперь в нашей комнате в Сокольниках нам было суждено жить втроем или вчетвером, если вдруг отец приезжал на побывку.

* * *

Помнить я себя начал с полутора-двух лет. То ли жизнь была такая насыщенная, то ли детство военное так врежется в память.

Какое-то время мы все вместе жили в этой комнате — я, мама и моя старшая сестра. Отец всегда появлялся вдруг, неожиданно и ненадолго, но непременно с гостинцами. Его заговорщицкий при этом вид, радостные, смеющиеся гла-

за — всегда были праздником и оттого каждый раз расставания были все тяжелее. Отцу все труднее было к нам вырваться, поэтому на семейном совете было решено перебраться к нему в часть, в Богородское. Нашу комнату закрыли, и мы отправились к отцу в барак, специально построенный для офицеров.

* * *

В Богородском мы жили все также в коммунальной квартире с соседями, но отца стали видеть чаще. И только это было важным. Пусть на минуту, пусть ночью. Вот он опускается устало на табурет, смотрит, как суетливо мать вытирает руки о фартук. Отец мягко сажает ее на табурет, выкладывает из вещмешка свой паек. Я кручусь рядом и, хотя глаза щиплет — так спать хочется, насмотреться не могу на его лицо, поросшее щетиной, которая, кажется, впитала в себя и едкий табачный дым, и весь мужской армейский дух. Помню, заберусь к нему на колени и жалею его. Даже не понимаю сейчас, почему у меня так сердце сжималось, глядя на него.

Но вдруг раз и все это наваждение вмиг улетучивается, как только мой взгляд упирается в саблю. Ведь военные тогда носили настоящие сабли! Так и вижу ее, блестящую, огромную, кажется, в два моих роста.

— Ну, держи, боец! — улыбаясь, говорит отец.

И я держу, только удержать не могу, так и тянет она меня к полу своей тяжестью. И столько счастья испытываю, что сейчас, по прошествии стольких лет, могу сказать, что и тогда оно было возможно, даже в те страшные военные времена.

* * *

А вот этого я не помню. Не помню, как уходила, что говорила. Как я плакал, не помню. А хотелось бы. Хотелось бы запомнить и ее последние слова, и объятия... Мне было почти два, когда от воспаления легких умерла моя мама. Всего одна неделя — и ее не стало.

* * *

Присматривать за мной стало некому, старшая сестра была еще слишком мала, отец на службе. И стал опекать меня старшина — мужчина еще молодой, который нянчился со мной в течение всего дня. Ну как нянчился? Да по-мужски: забирал с утра и к себе, в полк.

— Смотри, — говорит старшина, — не отставай!

Я и не отставал! Бежал на стрельбище вприпрыжку, с голода мусоля во рту жесткий жмых. Но больше всего я любил бывать в полковой столовой. Голод в те времена был делом привычным. Поэтому даже когда в столовой наешься кашей, можно было просто стоять и вдыхать сытный запах варева — про запас.

А старшину Андрея Фисенко солдаты прозвали «матросом Чижиком», как героя из рассказа «Нянька» Константина Станюкевича, где бывший матрос стал нянькой для мальчика.

— Дядька Андрей, а дядька Андрей, я тоже хочу, как у всех!

— Чего как у всех, Левка? Кажись, у тебя и так всё, как у всех: и каши поел, и поспал! Чего тебе еще надобно, — грозно вопрошал «матрос Чижик», а у самого глаза в прищуре смеются.